
Галина Доронина
КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ,
Я НЕ ВИНОВАТА
18+

Галина Доронина

Кто не спрятался, я не виновата

«Автор»
2026

Доронина Г.

Кто не спрятался, я не виновата / Г. Доронина — «Автор», 2026

Всего за один вечер Олеся лишилась всего: работы, дома и парня. Спасение приходит неожиданно: она переезжает в пустующий старый дом в полузаброшенном поселке, принадлежащий знакомой. Тишина, сосны и свобода – казалось бы, можно выдохнуть и начать жизнь с чистого листа. Вот только дом оказался не таким уж пустым. А новый сосед – слишком скрытным. Вместо спокойной жизни Олеся получает странных сомнительных визитеров в заброшенном доме напротив и человека, который явно что-то скрывает. Вопрос в том, что страшнее: то, что происходит по ту сторону улицы, или тайна, которую хранит тот, кто живет с тобой под одной крышей? Тихий поселок, сосны за окном и идеальное место, чтобы спрятаться... или чтобы оказаться в ловушке.

© Доронина Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 29
Глава 12 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Галина Доронина
Кто не спрятался, я не виновата

Глава 1

Я ехала в маршрутке и пыталась не улыбаться во весь рот, как идиотка, но получалось плохо. Майский вечер за окном был такой теплый и золотистый, что хотелось высунуться наружу и глотнуть этого воздуха побольше, с запахом распускающейся сирени и свежескошенной травы из парка. Водитель гнал как обычно, будто его преследовали, а я считала в уме свои будущие чаевые.

Сегодня пятница. Святая пятница, когда люди расслабляются, заказывают алкоголь и оставляют щедрые чаевые. Я уже прикидывала: если повезет, за вечер можно наскрести тысячи полторы, а то и две. Пара месяцев такой работы, и может быть я все-таки накоплю на курсы визажистов. Пятьдесят тысяч. Казалось бы, не космос, но, когда снимаешь жилье и половину зарплаты отдаешь за квартиру, каждая тысяча превращается в маленький подвиг.

Толик, конечно, считал мою мечту глупостью. «Олесь, ну кому нужны твои курсы? Лучше бы денег на нормальный отпуск отложила, а то мы вечно в городе торчим». Я каждый раз хотела возразить, что на отпуск откладывать должны мы оба, а не только я, но спорить с Толиком было все равно что убеждать кота стать вегетарианцем – бесполезно и энергозатратно.

Но я ему докажу. Вот закончу курсы, начну работать визажистом, буду зарабатывать нормальные деньги, и тогда посмотрим, глупость это или нет.

Маршрутка притормозила на моей остановке, и я выпрыгнула на тротуар, в прыжке расправляя свою черную рубашку – форму официантки в кафе «Уютный дворик». Восемь месяцев я здесь проработала. Восемь! Для меня это был рекорд.

До этого максимум, что я выдерживала на одном месте, – пять месяцев в пиццерии, пока владелец не решил, что официантки созданы не только для того, чтобы носить тарелки. После разговора с ним я проработала ровно еще один день и ушла, хлопнув дверью и выложив в общий чат фото его женушки с подписью «Девочки, а вот и жена нашего шефа. Если кто-то из вас тоже устал выслушивать намеки про «дополнительные обязанности» – теперь вы знаете, кому можно написать».

Но «Уютный дворик» был другим. Тихое семейное кафе в старом особнячке с настоящим двориком, увитым диким виноградом. Летом там стояли столики, и посетители обожали сидеть на свежем воздухе. Зинаида Павловна, наш администратор, была строгой, но справедливой. Гена-повар готовил так, что хотелось облизать тарелку. А Маринка, вторая официантка, хоть и любила посплетничать, но всегда прикрывала меня, если я опаздывала.

Я толкнула дверь кафе и замерла на пороге.

Картина была настолько странной, что первые несколько секунд я просто пыталась понять, не попала ли я в какую-то параллельную реальность.

Зинаида Павловна сидела за столиком у окна, который мы всегда резервировали для влюбленных парочек, потому что оттуда открывался вид на дворик с подсветкой. Она сидела, уткнувшись лицом в ладони, и ее плечи вздрагивали. Зинаида Павловна плакала. Зинаида Павловна, которая в прошлом месяце спокойно выставила из кафе пьяного посетителя, размахивавшего бутылкой, и даже бровью не повела.

Посреди зала, прямо у барной стойки, стоял Гена в своем фартуке и курил. Маринка сидела на полу возле стойки и запихивала в свою потрепанную сумку какие-то вещи. Я раз-

глядела ее запасную футболку, кружку с надписью «Лучшая официантка в мире» и пачку салфеток.

– Что происходит? – выдохнула я, и все трое разом повернулись ко мне.

Лицо Зинаиды Павловны было красным и опухшим. Тушь размазалась, отчего она выглядела как панда после тяжелого дня. Гена затянулся а Маринка всхлипнула и отвернулась, продолжая запихивать вещи в сумку.

– Олесенька, доченька, – Зинаида Павловна вытерла нос бумажной салфеткой. – Садись, пожалуйста.

У меня внутри все сжалось.

– Что случилось? – спросила я. Садиться я не стала, потому что удары судьбы следует принимать стоя. А в том, что судьба подготовила для меня какую-то подлянку, я даже не сомневалась.

– Михаил Петрович... – она запнулась, и ее голос предательски дрогнул. Михаил Петрович был владельцем кафе, мужчина лет пятидесяти, который появлялся здесь раз в месяц, проверял кассу и уезжал на своем черном «Лексусе». – Он продал помещение.

Я моргнула.

– Как продал?

– Вот так, – Гена стряхнул пепел прямо на пол, и я поняла, что дело совсем плохо. – Позвонил Зине час назад. Сказал, что нашелся покупатель, сделку оформили быстро, и все. Кафе больше нет.

– Как это «больше нет»? Мы же работаем! Сегодня пятница, у нас бронь на вечер...

– Никакой брони, – Зинаида Павловна снова всхлипнула. – Новый хозяин будет делать здесь барбершоп. Уже завтра придут рабочие. Михаил Петрович сказал все закрыть и сдать ключи.

– А мы? – я услышала, как мой голос становится выше и тоньше. – А как же мы?

– Всех увольняют, – Маринка наконец обернулась, и я увидела, что она тоже плакала. – Прямо сейчас. Вот так вот, Олеська. Пришла на работу – а работы нет.

Внутри меня что-то ухнуло, как будто я скатилась с американских горок. Я вцепилась в спинку стула.

– Хорошо, а выходное пособие? Компенсация? Ну, там, по закону положено...

Зинаида Павловна посмотрела на меня так, что мне захотелось расплакаться самой.

– Олеся, милая, мы же работали неофициально.

Глава 2

– Олеся, милая, мы же работали неофициально.

Ага. Вот оно.

Неофициально. Потому что Михаил Петрович экономил на налогах, а я соглашалась, потому что зарплата на руки была чуть больше. Я тогда думала, что это выгодно. Какая же я была дура.

– Но зарплата-то нам положена? – я старалась говорить спокойно, хотя уже начинала чувствовать легкую панику. – За последние две недели. Мы же отработали.

Зинаида Павловна развела руками.

– Касса пустая, Михаил Петрович забрал все вчера. Сказал, что расплатится с персоналом позже, но... – она осеклась. – Его телефон не отвечает.

Я достала свой телефон и набрала номер Михаила Петровича. Конечно же, автоответчик механическим голосом сообщил мне: «Абонент временно недоступен».

– Я уже пыталась, – устало сказала Зинаида Павловна. – Он отключил телефон. Наверное, уехал куда-то.

Маринка истерично хихикнула:

– На наши зарплаты, небось, на море укатил.

Я все-таки опустилась на стул. Ноги просто отказались меня держать. В голове проносились цифры: за две недели мне должны были двадцать четыре тысячи. Двадцать четыре тысячи, которые я должна перевести Толе, чтобы он добавил свои и оплатил нашу съемную квартиру. Двадцать четыре тысячи, которых теперь не будет.

Я открыла кошелек. Три сотенные купюры и мелочь. Вот и все мое состояние до следующей зарплаты, которой теперь тоже не будет.

Гена докурил сигарету и затушил ее прямо об барную стойку, оставив черный след на лакированной поверхности.

– Что теперь делать будешь? – спросила Маринка, вытирая глаза.

– Не знаю, – я покачала головой. – Искать новую работу, наверное.

– Ага, – она горько усмехнулась. – И я. И Зина. И Гена. Нас четверо на рынок труда высыпалось. Все одновременно. А май сейчас, кому официантки нужны в мае? Все на летний сезон уже набрали. Куча студентов на каникулах, школьников на подработках…

Зинаида Павловна высморкалась в салфетку:

– Я еще кредит за машину плачу. А у дочки экзамены на носу, репетиторы...

Гена молча закурил вторую сигарету.

Я встала. Если продолжу сидеть здесь, то просто залью все вокруг слезами, а этого мне не хотелось. Я же оптимистка. Это моя суперспособность – улыбаться, когда все летит в тартарары.

– Ладно, – я изобразила бодрость, которой совершенно не чувствовала. – Бывает. Значит, так тому и быть. Найду что-нибудь другое.

Маринка посмотрела на меня с жалостью:

– Олесь, ты меня пугаешь, когда так улыбаешься. Расстроиться – это тоже нормально.

– Расстраиваться – себе дороже, – я пожала плечами. – Толку-то? Михаил Петрович все равно не объявится. Будем тут реветь – только хуже станет.

Я направилась к двери. Зинаида Павловна окликнула меня:

– Олесь, если что-то найдешь, дай знать, ладно? Вдруг там еще кого-то ищут.

– Конечно, Зинаида Павловна.

Я вышла на улицу и закрыла за собой дверь. Теплый майский вечер все еще был таким же прекрасным. Где-то в соседнем дворе играли и смеялись дети, пахло сиренью и шашлыком из тандыра напротив.

А я стояла возле кафе, которое скоро станет барбершопом, с тремя сотнями рублей в кармане и без работы.

Что мне теперь делать?

Я достала телефон и набрала номер Толика. Надо сообщить ему. Он расстроится, конечно, но, может быть, поддержит. Скажет что-нибудь ободряющее. Или хотя бы выслушает.

Длинные гудки. Один, второй, третий...

Сброс.

Я уставилась на экран. Толик сбросил звонок? Через секунду пришло сообщение: «Занят, перезвоню».

Занят? Чем это интересно?

Я сунула телефон обратно в карман и глубоко вдохнула. Ладно. Ничего страшного. Толик действительно мог быть занят. Он работал менеджером в какой-то конторе, торгующей канцтоварами, и вечно жаловался на переработки. Хотя почему-то эти переработки никогда не отражались на его зарплате, но это уже другая история.

Я решила не раскисать. Вечер еще можно спасти. Да, работы больше нет, да, в кошельке триста рублей, но зато у меня есть крыша над головой, остатки куриного филе в холодильнике и почти полная пачка спагетти.

Приготовлю ужин, дождусь Толика, все ему расскажу, мы вместе что-нибудь придумаем. Так ведь и положено делать, когда ты живешь с человеком – делить не только радости, но и проблемы.

Я даже немного воодушевилась от этой мысли, потому что в моей голове уже нарисовалась картинка: мы сидим на кухне, едим спагетти с курицей, Толик говорит что-нибудь вроде «не переживай, Олесь, прорвемся», я кладу голову ему на плечо, и все как-то становится не так страшно.

Маршрутка до дома ходила каждые пятнадцать минут, но я решила пройтись пешком, потому что тридцать пять рублей на проезд – это теперь роскошь, а до дома всего четыре остановки.

Дорога заняла сорок минут.

Наш дом стоял во втором ряду от дороги, спрятанный за тополями и гаражами. Обычная панельная девятиэтажка, построенная в те времена, когда архитекторы искренне верили, что серый – это единственно допустимый цвет для жилых зданий. Подъезд был соответствующий: с вечно тусклой лампочкой на первом этаже, запахом сырого подвала и граффити «Катя + Дима = Любовь» на стене между вторым и третьим этажом, которое кто-то старательно зачеркнул и приписал «Катя дура», а потом кто-то третий добавил «Дима тоже».

Лифт, разумеется, не работал. Он не работал уже третью неделю, а управляющая компания обещала прислать мастера «на днях». На каких именно днях, не уточнялось.

Я начала подъем на наш пятый этаж. На втором этаже из-за двери квартиры номер семь доносились звуки телевизора. Кто-то смотрел ток-шоу на полной громкости, и визгливый женский голос кричал: «Ты мне всю жизнь испортил!». На третьем этаже пахло жареной рыбой. На четвертом около двери стояли два мешка с мусором, которые сосед дядя Витя традиционно выставлял в подъезд вечером, чтобы вынести утром.

К пятому этажу я немного запыхалась и пообещала себе, что когда-нибудь обязательно начну бегать по утрам. Это обещание я давала себе каждый раз, когда поднималась пешком на пятый этаж. Результат на сегодняшний день: ноль пробежек.

Я полезла в сумку за ключами, нащупала брелок, вытащила связку и уже подняла руку к замочной скважине, когда заметила, что дверь приоткрыта.

Не распахнута настежь, нет, просто слегка отошла от косяка, буквально на сантиметр. Как будто кто-то захлопнул ее, но замок не защелкнулся.

Первая мысль была совершенно обычная: Толик уже дома и просто забыл закрыть дверь.

Вторая мысль пришла следом и была куда менее приятной: а что, если это не Толик? Что, если кто-то залез?

Я решила, что гадать – занятие бесперспективное, поэтому толкнула дверь и вошла.

В прихожей горел свет, а на полу стояли черные мусорные пакеты на сто двадцать литров. Три штуки, наполненные чем-то объемным, и еще два пустых, сложенные рядом.

Из комнаты доносились звуки: шуршание, легкие шаги, стук.

– Толик? – позвала я, снимая кеды.

Из комнаты вышла девушка.

Совершенно незнакомая. Я была абсолютно уверена, что никогда в жизни ее не видела.

Она была примерно моего возраста, может, чуть старше, темные волосы собраны в аккуратный хвост. На ней была светлая блузка и черные джинсы. Но мне сразу бросился в глаза ее маникюр. Он был безупречным. Длинные миндалевидные ногти, покрытые каким-то сложным дизайном с серебристыми прожилками.

Я, как человек, мечтающий стать визажистом и разбирающийся в бьюти-индустрии, невольно залипла на три секунды. Три секунды, которые потратила не на вопрос «кто вы и что делаете в моей квартире», а на разглядывание чужого маникюра.

– Ты кто? – наконец выдавила я.

Девушка спокойно посмотрела на меня, ее карие глаза скользнули по мне сверху вниз и обратно.

– Я Света, – сказала она тоном человека, который представляется на деловой встрече. Буднично, без тени замешательства, как будто это я пришла в ее квартиру, а не она стоит в моей. – А ты, видимо, Олеся.

Так, незнакомая девушка в моей квартире знает мое имя. А кто она такая я понятия не имею.

– Хорошо, что ты пришла, – продолжила Света, как будто мы договаривались о встрече, а я просто немного опоздала. – Поможешь собраться. Там на антресолях есть твое что-то?

– Что? – я моргнула. – Собраться? Куда собраться?

Я заглянула в ближайший мусорный пакет, стоявший у стены. Он был набит моей одеждой.

– Это мои вещи, – медленно произнесла я. – Почему мои вещи в мусорном пакете?

Света прислонилась к дверному косяку и скрестила руки на груди.

– Слушай, – заговорила она снисходительно-терпеливым тоном. – Давай по-взрослому, без драмы. Я коллега Толика. Мы работаем вместе и встречаемся уже два месяца.

Глава 3

– Слушай, – заговорила она снисходительно-терпеливым тоном. – Давай по-взрослому, без драмы. Я коллега Толика. Мы работаем вместе и встречаемся уже два месяца.

Тишина. На втором этаже все еще орал телевизор, и визгливый женский голос из ток-шоу снова завопил: «Ты мне всю жизнь испортил!». Я подумала, что телевизионный сценарист, написавший эту реплику, даже не представлял, насколько удачно она вписалась в контекст.

Значит Толик уже два месяца встречается с этой девицей. Я попыталась мысленно отмотать воспоминания на два месяца назад. Это было начало марта. Что было в начале марта? Восьмое марта было. Толик подарил мне букет тюльпанов и коробку конфет из «Пятерочки», и я еще подумала, какой он милый. Получается, он дарил мне тюльпаны и одновременно... Одновременно...

– Толик должен был сегодня с тобой поговорить, – продолжила Света, выдергивая меня из напряженного мыслительного процесса. – Но, видимо, не успел. Или не решился, что, если честно, больше на него похоже. Ничего личного, Олеся. Ваши отношения изжили себя, так бывает. Люди расходятся, это нормально.

Я стояла в прихожей квартиры, в которой прожила полтора года, и незнакомая девушка с идеальным маникюром объясняла мне, что мои отношения «изжили себя».

– Ты в порядке? – спросила она.

Я молча достала телефон и нажала на имя Толика в списке контактов. Гудки. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Я уже была уверена, что он опять сбросит, но после шестого гудка я, наконец, услышала его голос.

– Алло.

– Толик, – сказала я строго. – Тут в нашей квартире стоит женщина по имени Света и складывает мои вещи в мусорные пакеты. Ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Понимаешь... – начал, он и я сразу поняла, что ничего хорошего после этого «понимаешь» не последует. Потому что люди начинают фразу с «понимаешь», только когда собираются сказать что-то, чего ты совершенно точно не поймешь. – Так получилось, Олесь. Мы с тобой разные. Я давно это чувствовал. Думал, ты тоже. Думал, ты сама все поймешь...

– Что я должна была понять, Толик???

– Ну... что у нас уже не то... Света – она меня понимает, понимаешь? С ней по-другому. Мне с ней... легче, что ли. Ты вечно куда-то бежишь, что-то хочешь, курсы какие-то, планы. А Света, она принимает меня таким, какой я есть.

Я посмотрела на Свету, которая стояла в двух шагах от меня и, не скрываясь, слушала разговор. Она даже не делала вид, что ей неловко.

– Толик, – сказала я и прислушалась к себе, пытаясь понять, что чувствую. Злость? Нет, не злость. Обиду? Может быть. Но больше всего это было похоже на удивление. Огромное, всепоглощающее удивление. – А почему ты мне два месяца ничего не говорил?

– Нууу... я не хотел тебя расстраивать. Решил, что лучше подождать удобного момента...

– Удобного момента, – повторила я. – А пока ты ждал удобного момента, ты каждый вечер приходил домой, ужинал со мной, спал рядом, обсуждал, какой фильм посмотреть в субботу, и все это время...

– Олесь, не нужно делать из этого трагедию, – в его голосе прозвучало раздражение. – Люди расходятся. Это взрослая жизнь. Давай без сцен, ладно?

Без сцен. Я стояла посреди квартиры, глядя на свои вещи, утрамбованные в мусорные пакеты, потерявшая за один вечер и работу, и дом, и человека, с которым полтора года делила постель и бюджет, и он просил меня – без сцен.

Я нажала «отбой» и убрала телефон.

Света подняла брови:

– Ну что, поговорили?

Я не ответила. Что-то внутри меня тихо щелкнуло и выключилось. Я перестала чувствовать. Совсем. Ни злости, ни обиды, ни боли, ни того самого удивления. Просто тишина и странная ясность в голове.

– Ну что ж, – сказала я самой себе. – Без сцен, так без сцен.

Значит мне нужны мои чемоданы, чтобы хоть уйти по-человечески. Насколько я помню, они были на антресолях. Я принесла табуретку из кухни, залезла на нее и открыла скрипучую дверцу под самым потолком. Внутри пахло пылью и старыми вещами. Мои два чемодана стояли в глубине, за коробкой с новогодними гирляндами и какими-то лыжными палками.

Я вытащила их, разложила на полу и начала перекладывать вещи из мусорных пакетов.

Света стояла в дверном проеме и наблюдала. Я чувствовала ее взгляд на своей спине, но не оборачивалась. Она тоже молчала какое-то время, а потом вдруг спросила:

– Слушай, а ты реально деньги за аренду этой квартиры Толику переводила?

– Ну да, – ответила я, продолжая перекладывать вещи. – Я ему каждый месяц свою половину перевожу.

Света хмыкнула.

– Вот же хитрожопый. А я думала, он шутит.

– О чем ты? – не поняла я.

– Олеся, эта квартира не съемная. Она Толика. Ему от бабушки по наследству досталась три года назад. Он мне сам рассказывал.

– Что? – переспросила я, подозревая что у меня начались слуховые галлюцинации.

– Квартира принадлежит Толику. Он тут не арендатор. Он хозяин.

Глава 4

– Квартира принадлежит Толику. Он тут не арендатор. Он хозяин.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в руках свою футболку, и пыталась уложить в голове то, что только что услышала. Это его собственная квартира?! А я полтора года каждый месяц переводила ему двадцать четыре тысячи рублей за аренду жилья, которое никто не арендовал. Деньги, которые я заработала, обслуживая столики, улыбаясь грубым посетителям и экономя на всем подряд, чтобы каждый месяц перевести Толику свою половину за якобы съемное жилье.

Этими деньгами я могла сто раз оплатить курсы визажистов.

Откуда-то изнутри поднялся неконтролируемый, истеричный смех.

– Ты в порядке? – осторожно спросила Света.

– В полном, – выдавила я сквозь смех, вытирая выступившие слезы тыльной стороной ладони, и продолжив собирать вещи. – Просто оценила масштаб. Впечатляет.

Наконец я запихнула последний свитер в чемодан и попыталась его застегнуть. Молния не поддавалась, и мне пришлось сесть сверху, чтобы придавить содержимое. Чемодан крякнул, но застегнулся.

Из ванной я забрала косметичку и гигиенические средства. Все это поместилось в рюкзак. Туда же отправились зарядка от телефона и наушники.

На кухне я забрала свою кружку и полотенце с котиками. Секунду колебалась, глядя на открытую пачку спагетти и вспомнив про остатки куриного филе в холодильнике, но потом решила, что забирать еду из квартиры бывшего – это уже дно, и оставила.

Но по пути в комнату меня обуяло странное, почти осязаемое чувство справедливости. Я резко развернулась, вернулась обратно на кухню, открыла холодильник и достала упаковку с остатками филе. Мясо было свежим, я купила его два дня назад. Затем вернулась в коридор, залезла на табуретку и засунула упаковку с филе в дальний угол антресолей.

Пускай теперь Толик со Светочкой ищут, откуда через пару дней в квартире начнет вонять тухлятиной. Запах, который невозможно перебить никакими освежителями. Запах, который будет въедаться в стены и напоминать ему о том, что обманывать людей нельзя.

Затем вернулась в комнату и продолжила сборы. Обувь не помещалась в чемоданы, и я сложила ее в отдельный пакет: кроссовки, зимние ботинки, босоножки и одну пару балеток, которые я надевала «на выход», хотя выходить мне в последнее время было особо некуда.

Света наблюдала за моими сборами из кресла.

Когда я вытащила последние вещи из шкафа и проверила все ящики, она встала и направилась на кухню. Я услышала, как щелкнул чайник.

– Олеся, хочешь чаю? – крикнула она из кухни, как будто мы были подружками, которые провели вместе приятный вечер.

Я аж остолбенела. Она предлагала мне чай на правах новой хозяйки. В квартире, где я прожила полтора года, где на подоконнике до сих пор стоял кактус, который я вырастила из отростка. Кактус! Я чуть не забыла кактус. Я метнулась к подоконнику и схватила горшочек. Маленький круглый кактус с двумя желтыми цветочками. Его звали Борис. Я аккуратно запихнула горшок с Борисом в боковой карман рюкзака, обложив его носками для амортизации.

– Олеся, чай? – повторила Света.

Я застегнула рюкзак, закинула его на спину, повесила пакет с обувью на сгиб локтя, потом подняла оба чемодана и направилась к входной двери. Получилась конструкция, которая напоминала перегруженного верблюда: чемоданы по бокам, рюкзак на горбу, пакет болтается и бьет по коленям, а из кармана рюкзака торчит кактус.

Света вышла из кухни и посмотрела на меня.

Я посмотрела на нее и молча открыла дверь.

– Олеся, – Света сказала мне в спину. – Правда, ничего личного. Так бывает.

Я не обернулась. Просто вышла и потащила свой караван вниз по лестнице, стараясь не задевать чемоданами стены и не споткнуться о мусорные мешки дяди Вити на четвертом этаже. На втором визгливый голос из телевизора сообщил: «Я отдала тебе лучшие годы!». Я хмыкнула и прибавила шагу.

Майский вечер уже не был золотистым. Пока я была наверху, собирая осколки своей жизни в два чемодана и рюкзак, небо затянуло плотными, темно-серыми тучами. Ветер поменялся: вместо теплого воздуха потянуло сыростью и озоном. Деревья зашумели, тополиные ветки закачались, и с ближайшей березы полетели сережки, закружившись в воздухе.

Я поставила чемоданы на асфальт перед подъездом, опустила пакет с обувью, выпрямилась и огляделась. Двор был пустой: качели покачивались на ветру, детская песочница накрыта деревянной крышкой, припаркованные машины стояли рядком вдоль бордюра.

Я стояла посреди двора со всем своим имуществом и вдруг осознала одну простую вещь: мне некуда идти.

Квартира больше не моя. Работы нет. В кошельке триста сорок рублей. Родители – в деревне, за сто километров отсюда, и даже если бы я захотела поехать, последний автобус ушел два часа назад, да и билет стоит семьсот рублей.

Маринка? Маринка живет с парнем в однокомнатной квартире и спит на раскладном диване, к ним физически не влезет еще один человек. Других близких подруг у меня не было – за полтора года с Толиком я как-то незаметно растеряла все контакты, потому что он не любил, когда я «шлялась по подружкам», а я, дура, слушала.

Крупная дождевая капля упала мне на нос.

Потом вторая, на плечо.

Потом третья, четвертая, десятая, и через несколько секунд начался настоящий ливень.

Я стояла под дождем со своим имуществом, и дождь стекал по моим рыжим волосам и по черной рубашке, которую больше не нужно было носить, потому что кафе, где я работала, уже не существовало.

Меня снова разобрал истеричный смех, потому что ситуация была настолько абсурдной, что ни одна другая реакция просто не подходила. Утром я проснулась с работой, квартирой, парнем и планами на будущее. А сейчас я стою под дождем бездомная, безработная и одинокая, с кактусом в рюкзаке.

Смех мешался с каплями дождя, и я не могла понять, что именно стекает по моим щекам – вода или слезы, но решила, что это вода, потому что слезы – это не мой стиль. Я же оптимистка. Я же Олеся, которая в восемнадцать лет уехала из деревни с тремя тысячами рублей в кармане и верой в то, что все будет хорошо. И все обязательно будет хорошо. Всегда было и сейчас будет.

Надо только понять – как.

Я огляделась сквозь пелену дождя и увидела спасение: козырек над входом в магазин «Продукты 24», через дорогу от дома. Магазин, судя по темным окнам и табличке «Закрыто на учет», не работал, но козырек был на месте, широкий, бетонный, советский, построенный еще в те времена, когда козырьки делали на совесть, а не для красоты. Под ним можно было спрятать небольшой оркестр, не то что одну бездомную девицу с багажом.

Я снова повесила на руку пакет с обувью, вцепилась в ручки чемоданов и побежала через дорогу. В пакете начала хлюпать вода и я подумала, что балетки «на выход» сейчас промокнут насквозь и теперь, наверное, станут балетками «на выброс».

Под козырьком было сухо, относительно тепло и пахло сырой штукатуркой. Я сняла рюкзак, поставила рядом с ним чемоданы и пакет, потом села прямо на бетонную ступеньку, прислонилась спиной к закрытой двери магазина и вытащила телефон.

Батарея показывала сорок три процента. Этого должно хватить. На что именно – я пока не знала, но должно.

Я открыла список контактов и начала прокручивать имена.

Глава 5

Я открыла список контактов и начала прокручивать имена. Они мелькали перед глазами, и с каждым из них в голове вспыхивала короткая справка, как в картотеке: «коллега из предыдущего кафе», «стоматолог», «доставка воды», «мама»…

Может позвонить маме? Нет, пока не стоит. Если я сейчас позвоню ей, она скажет «Олесенька, возвращайся домой», и я начну плакать. А мне нельзя плакать, потому что если я начну, то, может, не остановлюсь до утра, а ночевать прямо тут, под козырьком закрытого продуктового, рыдая под дождем, я пока морально не готова.

Я пролистнула еще. "Катя". Катюша Зайцева, мы вместе работали в «Уютном дворике» первые три месяца, пока она не ушла в декрет. Неоплачиваемый декрет (ведь мы работали неофициально) в двадцать один год без мужа, но Катя всегда была человеком, который принимает жизнь такой, какая она есть, без претензий и лишних вопросов. Она была единственной, с кем я поддерживала нормальное общение последний год, потому что Катя регулярно звонила сама, хотя Толик был этим крайне недоволен. «Опять трещите по часу, у тебя что, своей жизни нет?». Ладно, Толик, хватит тебя вспоминать.

Я нажала на вызов.

Катя ответила после третьего гудка, и в трубке сразу зашумело: детский плач, звяканье посуды, чей-то громкий голос, вещающий что-то про погоду.

– Лесечка! – Катя искренне обрадовалась. – Ой, подожди, я Мишку на другую руку переложу… Так. Ну, привет! Как дела?

– Кать, – сказала я и поняла, что не знаю, как начать. Как ты объясняешь человеку, что за один вечер лишилась всего, что у тебя было? Не то чтобы у меня было много, но это «немного» составляло сто процентов моей жизни, и теперь от этих ста процентов осталось два чемодана и кактус. – Кать, у меня тут такая ситуация... Толик… Ну в общем, мы расстались. И он меня выгнал. Ну, не он, а его новая… В общем, неважно. И кафе закрыли. Прямо вот сегодня.

Короткая пауза. Потом Катя сказала тихо, почти шепотом:

– Подожди. Что? Какая новая? Какое закрыли? Все сегодня?!

– Все сегодня, – спокойно подтвердила я. У меня уже прошла стадия шока, и я вплотную подошла к стадии черного юмора. – Полный комплект, два в одном, акция дня. И я сижу сейчас на ступеньке под козырьком магазина со своими чемоданами.

– Господи, Леська, – Катя охнула. – Вот же козлина. Я всегда знала, что он мерзавец, я тебе говорила, помнишь? Я говорила, что у него глаза бегают. У порядочных мужчин глаза не бегают.

– Говорила, – согласилась я.

– И ты хочешь ко мне приехать переночевать?

В ее голосе была такая готовность помочь, что я чуть не разревелась от умиления. Но тут же, без паузы, Катя продолжила:

– Ой, Леська, я бы с радостью, правда, но у меня мама приехала из Саратова, буквально сегодня утром, она спит в большой комнате, Мишка в кроватке, я на диване, у нас тут как в поезде, все друг на друге, и мама еще привезла три мешка каких-то банок, они стоят в коридоре, я об них спотыкаюсь каждый раз, когда иду в туалет ночью… Может, через неделю? Мама уедет в четверг, она хочет еще к тете Зое заехать, а тетя Зоя живет в Подмосковье... Ну это тебе не интересно. Главное, у меня точно место будет через неделю.

– Кать, через неделю – это отлично, – сказала я, потому что ну а что еще я могла сказать. – Спасибо тебе. Не переживай, я разберусь. Поцелуй Мишку от меня.

– Леська, я серьезно переживаю. Ты позвони мне завтра обязательно, ладно? И если что, я могу… Ну, денег у меня немного, но я могу рублей пятьсот подкинуть. Нет, семьсот. Семьсот могу.

– Не надо, Катюш, все нормально. Я позвоню.

Я нажала «отбой» и несколько секунд смотрела на экран телефона. Катя, которая сама еле сводит концы с концами, предложила мне семьсот рублей и была готова отдать их не задумываясь. Это было одновременно трогательно и горько, потому что семьсот рублей не спасли бы меня ни от чего, кроме, может быть, голодной смерти в ближайшие два дня.

Ладно. Следующая.

Вика. Мы познакомились через Толика: Вика встречалась с его другом Димкой, потом вышла за него замуж, потом они стали приходить к нам в гости, потом перестали, потому что Толик поссорился с Димкой. Но мы с Викой продолжали общаться. Она была хорошая: немного суматошная, немного рассеянная, всегда опаздывающая и вечно кого-то спасающая, будь то бездомный котенок, пожилая соседка или собственный муж.

Вика ответила сразу, как будто сидела с телефоном в руках и ждала.

– Олесечка! – голос у нее был взволнованный, но не удивленный, из чего я сделала вывод, что новости в наших кругах распространяются быстрее дождевых туч. – Я уже слышала. Мне Маринка написала. Ну, про кафе. Ты что плачешь?

– Нет, это дождь, – сказала я, хотя не была уверена на сто процентов. – Вик, Толик меня выгнал. У него другая. Я сижу на улице с вещами и мне некуда идти. Можно я к тебе?

Вика тяжело вздохнула:

– Слушай, у нас сейчас живет Димкин брат Кирилл. Он в разводе, жена его выгнала. Кирилл ночует в нашей второй комнате, и ему плохо. Реально плохо, Олесь. Он почти ничего не ест, не спит, сидит с гитарой и поет «Батарейку» Жуков на повторе. Димка говорит, что это пройдет, но я уже третью неделю слушаю про «у любви у нашей села батарейка» и начинаю сомневаться. Я не могу его выгнать, он же Димкин брат.

– Понимаю, – сказала я, потому что действительно понимала.

– Давай я тебе денег скину? Сколько тебе нужно? Я тысячу могу перевести. Олесь, возьми тысячу, хоть на такси и на еду. Олесь?

– Вик, спасибо, – сказала я искренне. – Но не надо денег. Мне нужно переночевать где-то. Но я найду, ты не волнуйся.

Вика еще минуты три извинялась, предлагала альтернативы (какая-то ее знакомая Лена, которая, правда, сейчас в Сочи; какой-то хостел на Пролетарской, который, правда, Вика не проверяла и не ручается; может, снять комнату на Авито, она видела объявления за четыреста рублей в сутки, хотя «за четыреста рублей в сутки, наверное, там крысы и стены с плесенью»). Я поблагодарила, пообещала перезвонить и повесила трубку.

Два звонка. Два промаха. Батарея тридцать семь процентов.

Я набрала Настю, с которой мы вместе учились в школе.

Настя была из той категории подруг, с которыми ты виделась раз в два-три месяца, но каждая встреча была как продолжение одного длинного, бесконечного разговора. Мы могли не общаться месяцами, а потом встретиться и за пять минут нащупать ту ниточку, на которой остановились в прошлый раз. Она была надежная, спокойная, рассудительная, из тех людей, которые в любой ситуации знают, что делать.

Раздались гудки, потом автоответчик сообщил: "В настоящее время абонент не может ответить на ваш звонок, оставьте сообщение после звукового сигнала".

Я нажала «отбой» и позвонила снова. Опять раздались гудки и включился автоответчик.

Тогда я написала сообщение: «Насть, привет. Мне очень нужна помощь. Позвони мне, пожалуйста».

Отправила. Синяя галочка «прочитано» появилась через тридцать секунд. Я смотрела на экран и ждала, как ждут приговора, – не дыша, с колотящимся сердцем, надеясь на лучшее и готовясь к худшему.

Настя печатала. Я видела эти три пульсирующие точки, и каждая секунда, пока они мигали, длилась как минута. Потом точки исчезли. Потом появились снова. Потом исчезли опять. И наконец пришло сообщение:

«Прости, не могу говорить. Удачи».

Глава 6

«Прости, не могу говорить. Удачи».

Я перечитала сообщение дважды, потому что мне казалось, что я что-то пропустила, что где-то между словами спрятано «но если тебе совсем плохо, конечно, приезжай» или хотя бы «расскажи, что случилось». Но нет.

Я не обиделась. У всех свои проблемы. Катя с мамой из Саратова, Вика с разведенным деверем и «Батарейкой», Настя вообще так занята, что не может говорить. Все вокруг тонут, просто каждый в своем болоте, и кидать кому-то спасательный круг, когда сам по шею в трясине, – это, наверное, слишком даже для самых лучших подруг.

Я опустила телефон на колени и посмотрела на дождь.

Вот тебе и подушка безопасности. Вот тебе и «у меня есть друзья, все будет нормально». Нормально не будет, Олеся.

В голову снова пришла непрошенная мысль про родительский дом. Деревня Малые Вязы в ста километрах от города.

Деревня Малые Вязы – это одна улица с разбитым асфальтом, который заканчивается у колодца и дальше переходит в грунтовку. Это дом, который папа строит уже много лет, но никак не достроит до конца, потому что каждый раз, когда появлялись деньги на стройматериалы, появлялся очередной ребенок, и деньги уходили на пеленки, подгузники и зимние комбинезоны. Это одна большая комната, где спят все: мама, папа, три сестры четырех, девяти и четырнадцати лет, два брата семи и семнадцати, и раньше – я, на раскладушке у окна, откуда зимой дуло так, что приходилось заклеивать щели малярным скотчем.

Это печное отопление, потому что газ в Малые Вязы обещали провести еще при Ельцине, а в результате трубы дотянули до соседнего села и на этом остановились. Это удобства во дворе, колодец через три дома, баня по субботам, огород в двадцать соток, который мама обрабатывает сама, потому что папа работает на лесопилке и приходит домой в девять вечера. Старший брат Славик, семнадцатилетний лоб, помогает, конечно, но у Славика своя жизнь, мопед, друзья и девушка из соседнего села. Четырнадцатилетняя Надя тоже могла бы помочь, но у нее репетиции в школьном театре, мальчики, маникюр, и ее присутствие на грядках ограничивается быстрым селфи на фоне заката. А младшие – это младшие, от них толку в огороде пока примерно столько же, сколько от нашего кота Рыжика, который приходит на грядки исключительно с целью помять рассаду.

Я могла бы позвонить маме прямо сейчас и сказать: «Мам, забери меня, мне плохо». И мама приехала бы. Попросила бы соседа дядю Колю, он завел бы свой древний «уазик» и забрал меня.

Но вернуться в Малые Вязы – это значит лечь обратно на раскладушку у окна, заклеить щели малярным скотчем и признать, что четыре года в городе были ошибкой. Что я не справилась. Что я проиграла. Что мечты про курсы визажистов, про собственную студию, про ту жизнь, которую я рисовала себе в восемнадцать лет, стоя на автобусной остановке с рюкзаком и тремя тысячами в кармане, – что все это было смешной фантазией. Что правы были все, кто говорил: «Ой, Леська, куда ты лезешь, сидела бы дома, вышла бы за Серегу Пантелеева, он хороший парень, электрик, с руками. Подумаешь, пьет, а кто сейчас не пьет?».

Ну уж нет.

Я тряхнула головой. Не поеду. Не вернусь. Я всегда сама решала свои проблемы, и сейчас разберусь, мне просто нужно немного времени и крыша над головой хотя бы на сегодня.

Мои размышления прервал телефонный звонок.

Я так удивилась, что чуть не уронила его в лужу, образовавшуюся у степенек. На экране высветилось имя, которое я не ожидала увидеть: «Ника».

Мы познакомились год назад, на дне рождения у Маринки, куда Ника попала случайно, через чью-то подругу подруги. Мы просидели весь вечер в углу кухни, разговаривая о кино, о еде, о том, почему все мужчины после двадцати пяти превращаются в диванных экспертов по всем вопросам мироздания, и о том, что пицца с ананасами – это не извращение, а смелый гастрономический эксперимент. Мне она тогда страшно понравилась: яркая, громкая, с заразительным хохотом и привычкой говорить то, что думает, без фильтров и примечаний мелким шрифтом. Но после того вечера мы виделись раза три-четыре, перекидывались мемами в мессенджере и поздравляли друг друга с праздниками. Я бы не назвала ее близкой подругой, скорее теплым знакомством, которое приятно иметь, но к которому ты не побежишь в трудную минуту.

Я и не думала ей звонить. Мне бы и в голову не пришло. Но она позвонила сама.

– Олеся! – голос Ники был звонким. – Олеся, ты жива? Мне Вика написала. Что происходит? Где ты сейчас? Только не ври, что все нормально, потому что Вика в панике и пишет капслоком, а Вика капслоком пишет только когда реально что-то серьезное.

– Я под козырьком продуктового магазина, – сказала я. – С чемоданами и кактусом. Это длинная история.

– Короткая, – поправила Ника. – Толик – козел, кафе закрылось, тебе негде жить. Вика изложила основные тезисы. Олеся, слушай меня внимательно, хорошо?

– Хорошо, – сказала я, потому что ничего другого мне, собственно, и не оставалось.

– У меня есть идея. Нет, даже не идея, а конкретное предложение, которое ты сейчас выслушаешь и не будешь отнекиваться. Потому что я знаю, ты из тех, кто начинает говорить «ой, не надо, я сама, мне неудобно», и вот этого не надо, ладно?

– Ладно, – сказала я, немного ошарашенная напором.

– У меня есть бабушкин дом. В поселке Сосновый, это в черте города, тридцать минут на маршрутке от центра. Он достался мне и брату по наследству. Стоит пустой уже три года. Мне он не нужен, брат вообще за границей, ему тем более. Там не шикарно, сразу предупреждаю, не пятизвездочный отель. Но водопровод и отопление есть, крыша не течет. Там даже магазинчик есть рядом, можно купить все необходимое: хлеб, молоко, макароны, овощи какие-нибудь. Можешь жить там, пока не встанешь на ноги, найдешь работу, разберешься со своей жизнью. Бесплатно. Ну, за коммуналку заплатишь, когда сможешь, там копейки. Ну что, берешь?

Глава 7

– Можешь жить там, пока не встанешь на ноги, найдешь работу, разберешься со своей жизнью. Бесплатно. Ну, за коммуналку заплатишь, когда сможешь, там копейки. Ну что, берешь?

Я молчала. Не потому что думала, а потому что не могла говорить. Неужели так бывает? Эта девушка, с которой я виделась всего несколько раз в жизни и обменялась сотней мемов в мессенджере, только что предложила мне дом.

– Олесь, ты там? Связь пропала?

– Я тут, – выдавила я. – Ник, ты серьезно?

– Абсолютно серьезно. Дом все равно стоит пустой. Только там убраться надо, слой пыли за три года накопился, наверное, толщиной в палец. И котел старый, надо будет разобраться, как его включить.

– Ника, – сказала я, с трудом сдерживая слезы благодарности. – Я тебя сейчас расцелую прямо через телефон.

Ника хохотнула:

– Сохрани поцелуи для более достойного случая. Приезжай ко мне за ключами, я на Ленина, двенадцать, квартира сорок один. Знаешь, где это? Рядом с той кофейней, где делают смешные рисунки на капучино. Помнишь, мы туда заходили вместе с Маринкой, и бариста нарисовал тебе кота, а ты сказала, что это больше похоже на бегемота.

– Помню, – сказала я и засмеялась. Только теперь это был не истеричный смех, а смех облегчения. – Я буду через полчаса.

– Жду. И Олеся?

– Да?

– Толик – козел. Это официальное заключение. Запомни его и не сомневайся.

Дождь к тому времени перестал хлестать и перешел в режим мелкой, деликатной мороси. Я дошла до остановки, погрузилась в почти сразу подъехавшую маршрутку и села на заднее сиденье, запихав чемоданы в проход.

Дом на Ленина, двенадцать оказался пятиэтажной сталинкой с высокими потолками. Я набрала на домофоне номер квартиры, Ника ответила мгновенно, и дверь щелкнула. Я затащила свой караван в чистый ухоженный подъезд, который пах свежей краской и чем-то цветочным, как будто тут мыли полы не хлоркой, а парфюмом.

Ника открыла дверь раньше, чем я успела позвонить. Она была в домашних штанах с принтом из маленьких такс и в огромной белой футболке, русые волосы с мелированием собраны в небрежный хвост.

– О Боже, – сказала Ника, окинув меня взглядом с головы до ног. – Ты же как из реки вылезла. Заходи немедленно.

Квартира Ники была из тех квартир, при виде которых ты сначала тихо ахаешь, потом начинаешь вертеть головой, а потом чувствуешь легкий укол чего-то среднего между восхищением и завистью. Не злой завистью, нет, а такой, мечтательной, когда ты смотришь на чужую красивую жизнь и думаешь: «Вот бы и мне так».

Стены были выкрашены в мягкий серо-голубой цвет, на полу светлый ламинат, в прихожей – большое зеркало в рамке из светлого дерева, на стене – два постера в минималистичных рамках. Обувь на полке стояла ровно, и вся она была красивая: белые кеды, ботинки из рыжей кожи, черные лоферы. Ни одной пары резиновых сланцев, ни одного стоптанного тапка.

Я поставила свои мокрые чемоданы на Никин чистый пол и почувствовала себя так, как будто привела грязную дворнягу в оперный театр.

– Не смотри на меня так, – сказала Ника, перехватив мой взгляд. – Между прочим, я этот ремонт делала сама, своими руками, десять месяцев, и с тех пор у меня нервный тик, когда я слышу слово «шпаклевка».

Она исчезла в комнате и через минуту вернулась с огромным, пушистым, белым полотенцем, как в отеле.

– Вот. Душ – вторая дверь налево. Грейся, я пока чайник поставлю.

Я хотела сказать «ой, не надо, мне неудобно», но вспомнила, что Ника просила этого не делать. Поэтому просто достала из чемодана сухую футболку и спортивные штаны и пошла в ванную, прижимая полотенце к груди.

Ванная была идеальная: белый кафель, деревянная полочка с баночками (крема, сыворотки, масла для волос, еще какие-то флакончики), зеркало с подсветкой. Я посмотрела на себя в это зеркало и увидела мокрые рыжеватые волосы, прилипшие к лицу и темные круги под глазами. Красавица, что тут скажешь. Прямо на обложку глянцевого журнала. Рубрика «Что делать, если все пошло не так».

Горячий душ немного привел меня в чувство. Когда я вышла из ванной, на кухне уже кипел чайник, на столе стояли две чашки и тарелка с печеньем, а Ника сидела, подогнув под себя ногу, и листала что-то в ноутбуке.

Кухня у нее была тоже красивая: белые шкафчики, столешница из искусственного камня, на подоконнике – комнатные растения в маленьких горшочках. Холодильник был увешан магнитами из разных городов: Барселона, Прага, Рим, Калининград. С ними соседствовала магнитная доска, на которой маркером было написано: «Не забыть: молоко, макет для Петровых, позвонить маме, КУПИТЬ КОРМ КОТУ!!!». Последний пункт был подчеркнут три раза.

– У тебя есть кот? – спросила я, оглядываясь.

– Да, Марсель, – Ника кивнула. – Но он прячется. Он антисоциальный. Появится, когда решит, что ты не представляешь угрозы, а может вообще не выйдет. Ты садись, пей чай, ешь печенье. Ты ела сегодня вообще?

Я задумалась. Утром я съела йогурт. В обед не ела, потому что собиралась поесть на работе, в кафе, где всегда можно было перехватить что-нибудь с кухни, но моим планам не суждено было сбыться. Мой желудок, видимо, вспомнил об этом одновременно со мной и издал звук, похожий на рычание медведя.

– А вот и ответ, – констатировала Ника и встала. – Подожди, я тебе бутерброд сделаю. Или нет, у меня паста осталась с обеда, хочешь? Карбонара, правда, без бекона, потому что я забыла купить бекон, но с сыром и яйцом, вполне себе.

– Ника, – сказала я. – Ты и так…

– Что я и так? – Ника обернулась со сковородкой в руках и посмотрела на меня строго. – Я разогреваю пасту для человека, которому негде жить. Это минимум того, что любой нормальный человек может сделать для другого нормального человека. Поэтому прекрати благодарить и слушай меня.

Глава 8

Она достала из шкафчика белую, красивую тарелку, наложила щедрую порцию пасты прямо из сковородки, сунула тарелку в микроволновку, нажала кнопку, и через несколько секунд по кухне поплыл потрясающий аромат. Ника, тем временем, села напротив и сказала:

– Значит, так, слушай про дом. Моя бабушка, Антонина Федоровна, умерла три года назад. Чудесная была женщина, просто золото. Я ее очень любила. Дом она оставила мне и моему брату в равных долях. Брательник живет в Лондоне, он айтишник, работает в какой-то крутой компании. Он последний раз в России был год назад, и то на два дня. Бабушкин дом не видел с момента похорон. Мне дом тоже не нужен: я городской человек, я люблю кофейни под боком и доставку еды за тридцать минут. Продавать жалко, потому что это бабушкин дом, это память, понимаешь?

– Понимаю, – сказала я.

– Вот и стоит. Я иногда приезжаю, проверяю, что все в порядке, но редко. Раз в полгода, может. Последний раз была в ноябре, кажется. Или в октябре. В общем, там все цело, но пыльно.

Микроволновка пискнула, Ника достала тарелку и поставила передо мной.

– Ешь, – сказала она.

Паста была вкусная, и я принялась за еду.

Ника тем временем достала из ящика стола ключи и положила их передо мной на стол.

– Вот. Большой ключ – от входной двери, маленький – от калитки. Дом одноэтажный, маленький, но для одного человека более чем достаточно. Две комнаты: одна – спальня, там стоит кровать, нормальная, полуторка, белье в шкафу. Вторая – что-то вроде гостиной, там диван, стол, телевизор старый, может, даже работает. Кухня маленькая, но с плитой и холодильником. Санузел совмещенный, там душевая кабинка, туалет и раковина. Мебель вся бабушкина, ну, ты понимаешь: шкафы с резьбой, занавески с оборочками, коврики на полу, вазочки, статуэтки. Немного крипово, если честно, особенно ночью, когда все эти фарфоровые кошечки на тебя смотрят, но терпимо.

– Ника, – сказала я, доев и отложив ложку. – Почему ты это делаешь? Мы же не то чтобы… Ну, мы не самые близкие подруги.

Ника посмотрела на меня и пожала плечами.

– Тебе плохо, у меня есть возможность помочь. Зачем усложнять? Я не понимаю людей, которые усложняют простые вещи. Смотри: тебе нужна крыша над головой, а у меня как раз дом стоит пустой. Так что бери ключи и не строй из меня ангела во плоти. Я эгоистка: мне спокойнее, когда я знаю, что бабушкины фарфоровые кошки не пылятся в одиночестве

И вот в этот момент я наконец заплакала. Потому что доброта, оказывается, пробивает оборону гораздо быстрее, чем жестокость. Толик, Света, закрытие кафе, пустой кошелек – все это я выдержала. А простая человеческая доброта разжала какой-то внутренний зажим, и слезы хлынули рекой.

Ника не стала меня утешать, обнимать, причитать и охать, за что я была ей безмерно благодарна. Она просто подвинула мне коробку с салфетками и сказала:

– Поплачь, допивай чай и поезжай. Последняя маршрутка до Соснового через час уходит. Или хочешь, я такси вызову? У меня бонусы накопились.

– На маршрутке поеду, – сказала я, высморкавшись в салфетку. – Я и так тебе должна.

– Ты мне ничего не должна, – сказала Ника строго. – Просто когда-нибудь, если увидишь человека, которому будет плохо, помоги ему. И все.

– Договорились! – сказала я и улыбнулась сквозь слезы.

Из-за холодильника в этот момент выглянул большой серый кот с недовольной мордой. Он посмотрел на меня с выражением «а это еще что за безобразие на моей кухне», фыркнул и скрылся обратно.

– О, – сказала Ника. – Марсель тебя одобрил. Обычно он на новых людей шипит.

***

Маршрутка до Соснового оказалась маленьким желтым автобусом с номером 47, который отправлялся от остановки «Центральный рынок» и шел до конечной «Поселок Сосновый».

В маршрутке, кроме меня, ехали еще три человека: пожилой мужчина в клетчатой рубашке, женщина средних лет с огромной сумкой и подросток в наушниках. Я сидела и смотрела в окно, прижимая рюкзак к груди.

За окном проплывал ночной город: фонари, мокрый асфальт, отражения огней в лужах, редкие прохожие. Дождь прекратился, оставив после себя влажный, свежий воздух, который пробирался в маршрутку через приоткрытое окно. Город постепенно редел: многоэтажки сменились двухэтажками, двухэтажки – частными домами за заборами. Потом дома стали реже, фонари – тускнее, и в какой-то момент за окном потянулся темный лес, который прерывался только изредка мелькающими огоньками одиноких домов.

– Поселок Сосновый, – объявил водитель. – Кому выходить, выходим. Кому не выходить – тоже выходим, конечная.

Я подхватила свой багаж и вывалилась из маршрутки в ночь.

Поселок Сосновый встретил меня настоящей деревенской тишиной. Ни одного звука, кроме затихающего тарахтения маршрутки, которая развернулась и уехала обратно, и шелеста ветра в соснах.

Так вот, значит, откуда пошло название поселка: сосны здесь стояли повсюду. Они темнели на фоне ночного звездного неба, которое уже очистилось от туч. Воздух пах хвоей, мокрой землей и чем-то цветочным. Я не сразу поняла, что это черемуха, потому что в городе запах черемухи тонет в выхлопных газах, а здесь он был густым и сладким.

Я стояла у маленького магазинчика – одноэтажного кирпичного строения с вывеской «Продукты» и ржавой решеткой на окнах. Магазин, разумеется, был закрыт: режим работы, если судить по криво приклеенному объявлению на двери, был «с 8:00 до 19:00, без выходных, кроме понедельника».

Ника объяснила мне дорогу: от магазина прямо по улице, дом с синими наличниками.

Я пошла по грунтовой дороге, волоча чемоданы, и каждые несколько шагов останавливалась, чтобы поправить пакет с обувью, который упорно сползал с локтя и бился о колени. В кустах кто-то шуршал (я решила, что это еж, потому что альтернативные версии рассматривать не хотелось), и где-то далеко, на другом конце поселка, лаяла собака – не злобно, а лениво, скорее для порядка, как будто отмечала: «Ну вот, пришел кто-то, ладно, полаю».

Большинство домов на улице стояли темные, с заколоченными окнами и заросшими участками.

И вот наконец я его увидела. Дом с синими наличниками.

Глава 9

И вот наконец я его увидела. Дом с синими наличниками.

Он стоял за низким деревянным забором, покосившимся в нескольких местах. Калитка была маленькая, деревянная, с щеколдой и врезным замком. Я достала ключи, которые дала мне Ника, нашла маленький и вставила его в замок. Ключ повернулся с протяжным скрежетом, от которого собака на другом конце поселка залаяла уже более заинтересованно.

За калиткой обнаружился маленький двор, заросший майской травой. Дорожка из бетонных плиток вела к крыльцу.

Крыльцо скрипнуло, когда я на него встала. Мои колени скрипнули в ответ, потому что после марш-броска с чемоданами были примерно в таком же состоянии, как и половицы. Входную дверь я открыла большим ключом. Замок щелкнул охотнее, чем на калитке, и дверь отворилась.

Первое, что я почувствовала, – это запах. Не затхлости, нет. Скорее, запах времени. Пыль, старые книги, сухие травы, что-то деревянное и легкий, едва уловимый аромат лаванды, видимо, от каких-нибудь саше, засунутых в шкаф заботливой рукой бабушки Антонины Федоровны.

Я нашарила рукой выключатель на стене и нажала. Лампочка на потолке без абажура вспыхнула тусклым желтым светом, и я увидела то, чему предстояло стать моим домом на блидайшее время.

Прихожая была крошечная: два шага в ширину, деревянная вешалка на стене с одиноким крючком, на котором висела коричневая вязаная кофта и маленький комод, накрытый кружевной салфеткой. На салфетке стояла фарфоровая кошка с голубыми глазами и золотым бантиком. Она смотрела на меня с выражением вежливого скептицизма.

Прямо – кухня, налево – дверь в комнату, направо – еще одна дверь. Я начала обход, как полководец, осматривающий крепость перед осадой. Только вместо армии у меня были два чемодана, а вместо вражеских войск – трехлетний слой пыли.

Кухня тоже оказалась маленькой, метров шесть, не больше. Газовая плита, старый, белый холодильник с закругленными углами, похожий на те холодильники, которые показывают в фильмах про советское время. Он был выключен, а дверца слегка приоткрыта. На полках кухонного шкафчика стояли белые тарелки с синим ободком, чашки в цветочек, банки с крупами, на которых было написано от руки: «Гречка», «Рис», «Пшено», и – о! – целая батарея банок с вареньем и компотами. Я взяла одну и посмотрела на крышку: маркером было написано «Смородина, 2021». Другая – «Вишня, 2020». Третья – «Малина, 2018». Я поставила банки обратно и решила, что вопрос съедобности буду решать завтра, при дневном свете.

На стене висели часы с кукушкой, остановившиеся на четырнадцати тридцати семь. Рядом – маленький отрывной календарь, застывший на 15 марта 2022 года, и черно-белая фотография в рамке: молодая пара, он в костюме, она в белом платье с кружевным воротником, оба смотрят в камеру с улыбкой. Видимо, это бабушка и дедушка Ники.

Дальше я прошла в гостиную. Там меня встретил мягкий широкий диван, обтянутый коричневым велюром, с вязаной накидкой на спинке, круглый стол под скатертью с вазой посередине, в которой стояли засохшие цветы, старый телевизор на тумбе с кинескопом и этажерка с книгами. Книг было много: советские собрания сочинений в одинаковых обложках, детективы в мягких переплетах, несколько журналов «Бурда» начала девяностых и, почему-то, учебник немецкого языка.

Из гостиной дверь вела в спальню. Там стояла полуторная кровать с металлической спинкой и толстым матрасом, накрытым стеганым покрывалом бордового цвета. Рядом чтоял мас-

сивный дубовый шкаф с зеркалом на дверце. На прикроватной тумбочке – настольная лампа с абажуром и книга «Мастер и Маргарита», с закладкой на сто второй странице. Мне стало грустно.

Я вернулась в коридор открыла еще однгу дверь. За ней отказался крошечный санузел. Душевая кабина с пластиковыми стенками, унитаз и раковина. Зеркало над раковиной – с трещиной в правом нижнем углу. На полочке под зеркалом стоял стаканчик с засохшей зубной щеткой. Я убрала его в сторону и поставила на его место свою косметичку.

Потом вернулась на кухню, поставила рюкзак на стол, вытащила Бориса и пристроила его на подоконнике.

– Ну вот, Борис, – сказала я ему. – Теперь мы будем жить здесь.

Борис не ответил, но я решила, что это знак согласия.

Несмотря на позднее время, следующий час я провела за уборкой.

Нашла под раковиной ведро, тряпки и початую бутылку чистящего средства «Пемолюкс». По всей видимости, оно было ровесником варенья из смородины и пахло так, будто его создали не для уборки, а для химической атаки. Я отставила его в сторону, намочила тряпку под краном и начала протирать все поверхности.

Пыль была повсюду. Я методично стирала ее, мыла тряпку и продолжала дальше.

Потом я перестелила кровать в спальне, найдя в шкафу комплект постельного белья. Белье оказалось в мелкий голубой цветочек, и, когда я застелила кровать, она вдруг стала выглядеть не чужой, а почти уютной, как иллюстрация из детской книжки про домик в деревне.

Закончив с минимальной уборкой, я приняла душ. Горячей воды не было: большой белый газовый котел стоял в кухне, но я решила разбираться с ним завтра, при дневном свете. Холодная вода была ледяной и бодрила так, что я вздрагивала каждый раз, когда она касалась кожи. Но сейчас даже она казалась мне роскошью. Вода есть. Крыша есть. Кровать есть.

Все остальное решу завтра.

Я переоделась в свою пижаму, которую достала из чемодана, забралась под одеяло и выключила настольную лампу.

Сосны шумели за окном, ветер постукивал веткой по стеклу, кровать чуть поскрипывала, когда я шевелилась.

А в голове теплилась тихая и упрямая мысль: все будет хорошо.

Последнее, что я помню перед тем, как уснуть, – это как ветка за окном перестала стучать, словно дом наконец успокоился и принял решение: ладно, пусть остается.

Глава 10

Я проснулась от того, что на лицо мне упал теплый солнечный луч, пробивающийся сквозь щель в шторах.

Несколько секунд я лежала, не понимая, где нахожусь. Белый потолок с трещиной, незнакомые шторы, запах лаванды...

А потом все вернулось: кафе «Уютный дворик», Зинаида Павловна, барбершоп, Света с маникюром, мусорные пакеты, чемоданы, дождь, Ника, маршрутка, поселок Сосновый, дом с синими наличниками...

Я села на кровати, взглянула на телефон – было восемь сорок три, – затем встала и открыла шторы. За окном – сосны, яркое майское солнце, а небо такое чистое и голубое, что выглядело как фотообои.

Я прошлепала босыми ногами по прохладному деревянному полу на кухню и включила электрический чайник. Пока вода закипала, сходила в прихожую, достала из рюкзака и ручку и блокнот, вернулась за кухонный стол и принялась составлять список дел на день.

Список выглядел так:

1. Купить еду
2. Разобраться с котлом
3. Начать поиски работы

Я посмотрела на список, подумала и добавила четвертый пункт: «Не сойти с ума».

Потом зачеркнула и написала вместо него: «Все будет хорошо».

Потом зачеркнула и это и написала: «Кофе».

Кофе в доме не оказалось, зато нашелся россыпной чай в жестяной банке с крышкой, на которой был изображен слон. Чай, скорее всего, тоже был ровесником варенья, но пах вполне сносно. В моем положении привередничать было бы странно. Я заварила его в большой чашке, добавила две ложки сахара из банки с надписью «Сахар» и села пить.

Чай был горький, но горячий, а горячий чай, как я уже давно поняла, решает половину жизненных проблем. Вторую половину решает четкий план. Получается, у меня есть все для решения моих проблем.

Я начала с котла, потому что перспектива еще одного ледяного душа пугала меня больше, чем безработица.

Котел стоял в углу кухни, между холодильником и стеной. Он выглядел как прибор, который проектировали инженеры, искренне ненавидящие простых людей. Белый корпус и панель управления с кнопками, цифрами, стрелочками и какими-то символами, которые могли означать что угодно – от «горячая вода» до «самоуничтожение через десять секунд». На передней стенке – маленький темный экранчик.

Я нажала на большую кнопку с надписью «Power». Ничего не произошло. Тогда я нажала и подержала несколько секунд, как делают с компьютером, когда он зависает. Ноль реакции.

Я присела на корточки и осмотрела котел снизу. Обычно в фильмах, когда что-то не работает, герои всегда смотрят на вещь снизу, и это магическим образом помогает. Снизу котел выглядел так же загадочно, как и спереди, только еще были видны какие-то трубы, вентили и подозрительное пятно ржавчины.

Я позвонила Нике.

– Никуся, доброе утро, – сказала я. – Скажи мне, пожалуйста, как включить котел.

– Слушай, – произнесла Ника подозрительно сонным голосом. Кажется, я ее разбудила. – Там должна быть инструкция.

– Где?

– Ну, где-то должна быть. Бабушка всегда хранила инструкции. Попробуй посмотреть в ящике комода в прихожей. Или в шкафу. Или… Слушай, а у меня же видео есть! Я в прошлом году приезжала, мне соседский мужик показывал, как его запускать. Я на телефон снимала. Сейчас найдуи тебе скину.

Через пять минут Ника действительно прислала видео. Качество было такое, словно снимали ночью на камеру наблюдения в подъезде во время землетрясения: все тряслось, было темно, и в кадре мелькали чьи-то руки. Эти руки что-то крутили, нажимали и дергали, пока хриплый мужской голос за кадром говорил: «Вот тут открываешь, тут поворачиваешь, потом ждешь, пока пикнет, и нажимаешь вот эту, нет, не эту, вот эту, да, во-о-от».

Я посмотрела видео четыре раза. После второго просмотра мне показалось, что я начинаю понимать. После третьего – что я все неправильно поняла. После четвертого – что я знаю достаточно, чтобы хотя бы попробовать, и либо включу котел, либо взорву дом. В принципе, оба варианта по-своему решат проблему горячей воды.

Значит сначала нужно было открыть вентиль газа. Вентиль находился на трубе, идущей в стену, и не поворачивался. Я крутила его обеими руками, потом обернула полотенцем для лучшего захвата, потом крутила снова, краснея и пыхтя, и наконец он сдался.

Потом нужно было нажать кнопку «Power», но, как выяснилось из видео, перед этим нужно было открыть еще один вентиль – вентиль подачи воды, – который находился снизу котла.

Вентиль я нашла наощупь и повернула. Потом нажала «Power».

Экранчик замигал, на нем появились какие-то цифры. Этот факт вызвал у меня прилив такого счастья, какого я не испытывала даже когда Толик подарил мне на день рождения сережки (которые, как я теперь подозревала, были куплены не за его деньги, а за мою половину арендной платы).

Потом котел загудел, и на экранчике появилась цифра тридцать восемь, которая стала медленно расти: тридцать девять, сорок, сорок один.

– Да! – сказала я вслух, обращаясь к котлу. – Я справилась!

Я открыла кран горячей воды на кухне. Труба закашлялась, заплевалась ржавой водой, потом вода стала прозрачной, потом – теплой, а потом – горячей. Я подставила ладонь и стояла так целую минуту, просто чувствуя, как теплая вода течет по пальцам.

На часах к этому моменту было десять тридцать семь.

Я приняла горячий душ, собралась и отправилась в магазин.

Солнце уже стояло высоко и поселок Сосновый выглядел почти как курорт: сосны, теплый ветер, запах хвои и нагретой земли, а на обочине грунтовой дороги росла мать-и-мачеха, желтая и упрямая, как маленькие солнышки, воткнутые в землю.

Я шла по дороге и думала о том, что из еды мне купить. Денег осталось – кот наплакал. А пока нет работы, нет и зарплаты. Даже продать нечего. Ведь, как говорил один небезызвестный персонаж: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное. А у нас денег нет».

Магазин «Продукты» выглядел при дневном свете еще более уныло, чем вчера вечером. Кирпичная коробка с ржавой решеткой на окне, деревянная дверь с криво приклеенным расписанием и колокольчиком, который звякнул, когда я вошла, оповещая женщину за прилавком о моем появлении.

Внутри было тесно, прохладно и пахло одновременно хлебом, стиральным порошком и соленой рыбой – сочетание, которое бывает только в сельских магазинах, где все продается в одном зале, от гвоздей до сгущенки.

Прилавок был деревянный, застеленный клеенкой в клетку. За ним стояли полки с продуктами и товарами для дома, а в углу тихо гудела холодильная камера, предлагая сосиски, масло, сметану и несколько кусков сыра.

За прилавком восседала женщина. На вид ей было за шестьдесят.

Лицо в мелких морщинах, но глаза живые, цепкие – такие бывают у деревенских бабушек, которые знают все новости раньше, чем они случаются.

– Здравствуйте, – сказала я.

– Ну здравствуй, – ответила она и посмотрела на меня так, словно я была не покупатель, а подсудимая, которая только что вошла в зал суда. – Ты кто?

Глава 11

– Ну здравствуй, – ответила она и посмотрела на меня так, словно я была не покупатель, а подсудимая, которая только что вошла в зал суда. – Ты кто?

Вот так вот, без прелюдий. Не «добро пожаловать», не «что желаете», а сразу допрос прямо с порога.

– Олеся, – сказала я, немного растерявшись. – Я тут живу. То есть буду жить. В доме Антонины Федоровны.

– В Тонькином дом? – Женщина подалась вперед, и в ее глазах заплескалось любопытство. – А ты ей кто?

– Я подруга ее внучки Ники.

– Ники? Это которая из города? У которой волосья полосатые, как тельняшка?

Я кивнула, усмехаясь про себя. Ни один стилист не описал бы мелирование более точно

– А-а-а, – протянула женщина. – Ну тогда ладно. Меня зовут Клавдия Семеновна. Я тут с восемьдесят девятого года за прилавком. Тонечку, царство ей небесное, знала лично. Хорошая была женщина. Учительница немецкого языка.

Так вот откуда учебник немецкого на этажерке.

– А ты откуда приехала? – продолжила допрос Клавдия Семеновна.

– Из города.

– Так. А работаешь где?

Я открыла рот и замерла. Честность боролась с желанием произвести хорошее впечатление, и честность, как обычно, победила.

– Ищу работу.

– Ищешь значит, – тоном прокурора повторила Клавдия Семеновна. – А образование какое?

– Одиннадцать классов.

– Одиннадцать классов, – повторила она, постукивая пальцем по прилавку. – Замужем?

– Нет.

– Ясненько. А мужчина есть?

– Нет, – сказала я, уже поняв, что пока Клавдия Семеновна не соберет на меня полное досье, она мне ничего не продаст.

– Нету, значит – констатировала Клавдия Семеновна. – А почему одна-то? Молодая, симпатичная, рыженькая. Конопатенькая, правда, ну да это ничего. Конопушки – это поцелуи солнышка, так бабка моя говорила.

– Так получилось, – сказала я, надеясь, что этот ответ достаточно универсален.

Но Клавдия Семеновна универсальных ответов не принимала.

– Бросил? – спросила она прямо.

– Можно и так сказать.

– Пил?

– Нет.

– Бил?

– Нет!

– Алкоголичка?

Я опешила так, что на секунду забыла, зачем вообще пришла.

– Что?! Нет! Я… нет! Почему алкоголичка?

– А чего тогда? – Клавдия Семеновна посмотрела на меня с подозрением. – Молодая девка, одна, в Тонькин дом… У нас тут, знаешь ли, всякое бывало. В позапрошлом году приез-

жала одна, тоже молодая, говорила, что художница, а потом выяснилось, что она собак крадет и в город продает. Собак! Представляешь? У Михалыча овчарку увела, гадина.

– Я не краду собак, – заверила я максимально убедительным тоном.

– Ну, дай бог, – сказала Клавдия Семеновна.

– Мне бы продуктов купить, – сказала я, решив, что пора перейти к цели визита, пока меня еще в чем-нибудь не обвинили.

– Ну так выбирай, – великодушно разрешила Клавдия Семеновна, обведя рукой свои владения.

Я оглядела полки и решила взять хлеб, десяток яиц, пачку макарон, бутылку подсолнечного масла, ломтик сыра и сосиски.

Начала считать, сколько нужно денег, но математика была беспощадна. Я стояла посреди магазина, прикидывая, на чем можно сэкономить, но результат каждый раз получался один и тот же: мне не хватает.

В итоге я выбрала хлеб, яйца, небольшой кусочек сыра и пачку макарон. Хлеб – потому что без хлеба никуда. Яйца – потому что это белок и можно растянуть на несколько дней, если делать по два на завтрак. Макароны – потому что макароны с тертым сыром, это вполне себе ужин.

Клавдия Семеновна пробила продукты, и я отсчитала деньги. Осталось двадцать семь рублей. Не густо. Если в ближайшее время не удастся найти работу, придется учиться варить борщ из крапивы. А еще я слышала про лечебное голодание...

Клавдия Семеновна смотрела, как я убираю продукты в пакет, и на ее лице появилось сочувственное выражение.

– Погоди, – сказала она, полезла куда-то под прилавок и вытащила батон. – Вот, бери. Все равно завтра спишу. Нечего добру пропадать.

– Спасибо, – сказала я с искренней благодарностью. Еще один батон! Это прямо праздник какой-то.

– И вот еще, – Клавдия Семеновна поставила на прилавок маленькую баночку, – мед. Свой, с пасеки. У меня зять пасечник, у нас этого меда – девать некуда. Бери-бери, не стесняйся.

Я взяла стеклянную баночку с темно-золотым густым медом и прижала ее к груди.

В носу защипало, и я изо всех сил постаралась не расплакаться прямо здесь. Сначала Ника с этим домом – взяла и просто вручила ключи, словно так и надо. А теперь вот Клавдия Семеновна, которая еще пять минут назад допрашивала меня, как особо опасную рецидивистку, сует батон и мед. Мне просто сказочно везет, что вокруг меня оказываются такие потрясающие люди. За исключением Толика, конечно.

– Спасибо вам, Клавдия Семеновна, – сказала я уже от двери.

– Заходи, – ответила она. – И если кто обижать будет – говори. Хотя, у нас тут хорошие люди. Ну, в основном.

Колокольчик звякнул за моей спиной, и я пошла обратно по грунтовой дороге, мимо мать-и-мачехи и деревенских домов, с пакетом продуктов и баночкой меда.

Я думала о том, что доброта – странная штука: она появляется там, где ее совсем не ждешь, от людей, чья помощь не имеет логического объяснения: вы не родственники, не близкие друзья, вы даже толком не знакомы, а они уже протягивают тебе ключи или батон с медом, будто так и надо.

Дома я разложила продукты, быстренько съела кусок хлеба с медом (мед был фантастически вкусный) и приступила к следующему пункту списка: поиск работы.

Я села на табуретку перед подоконником, где связь ловила лучше всего, и открыла браузер. Страницы грузились мучительно медленно, но грузились, и это было главное.

Я открыла сайт по подбору вакансий и вбила свои параметры: город, опыт, образование.

Сайт подумал, покрутил колесико загрузки и выдал результаты.

Официантка – двенадцать вакансий. Кафе, рестораны, бары. График – два через два или три через три. Зарплата плюс чаевые.

Промоутер – четыре вакансии. Раздача листовок, консультации в торговом центре, ростовая кукла.

Продавец-консультант – три вакансии, но везде требовался опыт от года.

Курьер – вакансий много, но нужен был автомобиль или хотя бы велосипед, а у меня не было ни того, ни другого.

Уборщица – шесть вакансий. Не хотелось бы, но выбирать не приходится.

Администратор – две вакансии, обе с требованием опыта работы.

И одна вакансия, которая зацепила мой взгляд: «Помощник менеджера, работа в офисе, оформление по ТК РФ, белая зарплата, обучение за счет компании». Работа с трудовой книжкой, с отпуском и с больничными! Все как я хотела!

И под требования я подходила: среднее образование (есть!), грамотная речь (более-менее), знание компьютера на уровне пользователя (ну, я умела открывать документы, пользоваться почтой и соцсетями, это считается?), приятная внешность (ну это, конечно, очень субъективно, но, на мой взгляд, присутствует).

Я начала составлять резюме. Что написать в графе «навыки»? «Умею носить три тарелки одновременно и улыбаться, когда клиент хамит?»

В итоге спустя сорок минут мучений, резюме было готово.

Я отправила его в ответ на двадцать вакансий. Кидала на все без разбора, где не требовалось высшее образование и собственный автомобиль. Помощник менеджера – да. Официантка – да. Продавец-консультант в магазине косметики (о, это было бы прекрасно, полшага до визажиста) – да, несмотря на требуемый опыт. Уборщица в фитнес-клубе – да, потому что двадцать семь рублей в кошельке не располагают к гордости. Промоутер – да, только, пожалуйста, не ростовая кукла в тридцатиградусную жару.

Отправила и села ждать.

Глава 12

Ждать я ненавижу, но сейчас это единственное, что мне оставалось делать. Каждые пять минут я проверяла почту, и каждый раз, когда в ящике было пусто, я чувствовала острый укол разочарования. Хотя это было совершенно нерационально, потому что, ну кто отвечает на резюме через пять минут, в субботу, в мае?

Наконец, к вечеру пришли три письма.

Первое: «Благодарим за ваш отклик. К сожалению, ваша кандидатура не соответствует требованиям вакансии. Желаем удачи в дальнейших поисках!»

Это был продавец-консультант в магазине косметики. Такой ответ был ожидаем, ведь у меня действительно нет опыта, но все-таки я расстроилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.